

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. Я. КОЗЛОВ

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ФУТА-ДЖАЛЛОНЕ (XVIII—XX вв.)

Земледелие издавна было основным хозяйственным занятием коренного населения Фута-Джаллона. На склонах гор и холмов выращивали фоню, таро, бататы и другие культуры, в долинах — рис. Сельскохозяйственные орудия (мотыга, палка-копалка, топор, нож) и способ ведения земледельческого хозяйства (переложная система подсечно-огневого типа) у автохтонов Фута-Джаллона были, в главных чертах, такими же, как и у других народов Тропической Африки. В основе поземельных отношений лежало коллективное землевладение сельской общины, которая передавала право наследственного владения землей отдельным большим семьям.

С XV в. на Фута-Джаллоне появляется новый этнический элемент — фульбе-скотоводы. За право пользования пастбищами на плато и в долинах они платили дань продуктами своего хозяйства местным правителям или общинам диалонке¹. Этой системе поземельных отношений в XVIII в. пришла на смену другая, основанная на земельной монополии исламизированной знати фульбе, победившей в ходе многолетней войны диалонке и фульбе-анимистов и создавшей свое феодально-теократическое государство. Монополия эта нашла свое отражение в правовых нормах фульбе, являвшихся сложным сочетанием обычного права фульбе и диалонке и коранического права. Так, существовало правило, которое гласило, что земля принадлежит «всем людям» (в этом отразилась древнейшая традиция коллективного землевладения), но «доверена» лицу, облеченному властью, «тому, на которого пал выбор всех..., который владеет нами и землей в длину и ширину», — «наследнику пророка», т. е. имаму (альмами)². Альмами, глава государства, был, таким образом, верховным собственником земли в стране. Один из крупнейших знатоков Гвинеи А. Арсен писал, что на Фута-Джаллоне «земля являлась чистой собственностью короля или альмами»³. Можно спорить с категоричностью термина «чистая собственность»: альмами лишь номинально являлся верховным собственником. Но его реальные земельные прерогативы были весьма значительны. Так, Гекард отмечал, что альмами «мо-

¹ См. A. Arcin, *La Guinée Française*, Paris, 1907, стр. 85.

² G. Vieillard, *Notes sur les coutumes des Peuls au Fouta-Djallon*, Paris, 1939, стр. 81. Эта же идея содержится и в формуле возведения альмами на престол (см. P. Guebhard, *Au Fouta-Djallon, cent vingt-cinq ans d'histoire*, Paris, 1909, стр. 12).

³ A. Arcin, *Указ. раб.*, стр. 326.

гут распоряжаться землей, которая остается много лет незасеянной»⁴. При господстве же переложной системы земледелия такие «незасеянные земли» составляют большую часть пригодных для обработки площадей, т. е. альмами были хозяевами громадного резервного земельного фонда.

Следует подчеркнуть также, что эти земли, заброшенные или еще не введенные в хозяйственный оборот, не были «ничьими»: в XVIII—XIX вв. бесхозных земель на Фута-Джаллоне уже не было. Таким образом, альмами распоряжались землями, которые находились в наследственном владении определенных хозяйственных коллективов. Альмами имели также право при разделе имущества умершего отобрать в качестве налога на наследство лучшие земли у его наследников⁵. К числу важнейших прерогатив альмами следует отнести их право назначать правителей дивалов (провинций) и миссиди (приходов). Инвеститура на тот или иной пост в системе административного управления делала феодала временным государем данной провинции или прихода с правом и обязанностью решать (формально — от имени альмами) все вопросы землепользования и землевладения, собирать налоги и т. д. Фактически это была система кормлений для вассалов альмами. Различные налоги (десятина с урожая и другие)⁶, а также обязательные работы на полях правителей миссиди и дивалов⁷ были, по существу, рентой, которую платили крестьяне за право владения и пользования землей государству, выступавшему в качестве высшего субъекта землевладения на Фута-Джаллоне. Необходимо, впрочем, отметить, что при отсутствии сильной централизованной власти, при постоянной феодальной анархии, усобицах, войнах организовать регулярный сбор налогов или выполнение повинностей было довольно трудно. Гораздо более надежным источником доходов для феодалов были их частновладельческие хозяйства.

Еще при завоевании страны знать захватила и присвоила большое количество земель⁸. В дальнейшем владения феодалов расширялись различными способами: присвоением новых земель, принадлежавших крестьянам, захватом земель у других феодалов в периоды междоусобиц, поднятием целины, за счет пожалований альмами и т. д. Такими путями многие феодальные дома создали себе громадные латифундии. В провинции Тимбо обширные земли принадлежали двум группам феодальных семейств — ду-майю и леи-майю; в провинции Фугумба находились земли одного из самых могущественных кланов страны — Сериабе; в провинции Тимби — земли Элайябе, в провинции Буриа — Тимбобе, в провинции Лабе — Калидуйябе⁹. По характеру присвоения земли эта форма землевладения близка к европейскому аллоду. Частно-владельческие хозяйства феодалов не облагались налогами, фактически на них не распространялась власть государства. Обработывались эти земли трудом рабов и сервов¹⁰.

Серв, обязанный большую часть времени работать на полях своего владельца-феодала, располагал предоставленным ему хозяином участком земли, который использовал по своему усмотрению, передавал по на-

⁴ H. Hecquard, Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale, Paris, 1853, стр. 333.

⁵ A. Arcin, Указ. раб., стр. 338.

⁶ H. Hecquard, Указ. раб., стр. 318; P. Guebhard, Au Fouta-Djallon..., 1909, стр. 82; A. Arcin, Указ. раб., стр. 337—339.

⁷ A. Arcin, Указ. раб., стр. 338.

⁸ P. Guebhard, Au Fouta-Djallon..., 1909, стр. 13; G. Vieillard, Notes sur les Peuls du Fouta Djallon, «Bulletin de l'IFAN», t. 11, No. 1—2, 1940, стр. 98.

⁹ G. Vieillard, Notes sur les Peuls..., стр. 102—105.

¹⁰ См. R. Caillie, Journal d'un voyage à Tombouctou et à Jenne, dans l'Afrique Centrale, 1830, t. 1, стр. 285; H. Hecquard, Указ. раб., стр. 331 и др.

следству, однако никаких формальных владельческих прав на эту землю серв или его потомки не приобретали: при желании хозяин мог отобрать участок¹¹. Впрочем, на деле это бывало крайне редко.

Остановимся теперь на землевладении юридически свободного крестьянства. Принявшим ислам диалонке и фульбе-буруре были оставлены их земли. Эта категория земель определялась термином «лассилиан-кори», в отличие от земель, присвоенных фульбе-мусульманами, — «унури». Крестьяне были обложены данью и должны были нести разнообразные повинности в пользу феодалов. Фактически это была полукрепостная зависимость, но не от отдельных феодалов как частных лиц, а от феодального государства вообще, т. е. класса феодалов в целом, которому и платили ренту диалонке за право ведения хозяйства на земле и фульбе-буруре — за пользование пастбищами.

Гвинейский исследователь Диалло Усман Пореко, пытаясь разобраться в поземельных отношениях, сложившихся на Фута-Джаллоне после джихада, пришел к неожиданному выводу, что исламизированные автохтоны страны и после завоевания «по праву и фактически» остались владельцами земли, а победители — фульбе, в том числе аристократы, были лишь «временными пользователями ее». Он ссылается на юридические нормы суданских народов, которые закрепляли право собственности на землю лишь за первопоселенцами (теми, которые первыми поселились на данной земле и обработали ее), ибо они, по традиционным верованиям, были связаны с истинными хозяевами земли — ее духами-покровителями. Фульбе, ислам которых был весь пропитан анимистическими верованиями, не могли «узурпировать» эти священные права, не решились лишить земли побежденных диалонке и заняли лишь «свободные» земли или земли «неверных», отказавшихся подчиниться им¹². Все это рассуждение — пример чисто юридического подхода к вопросам собственности. Одно дело — нормы обычного или коранического права, а другое — реальные экономические отношения. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что отношения собственности нужно исследовать «не в их юридическом выражении, как волевых отношений, а в их реальной форме, т. е. как производственных отношений»¹³. Каковы бы ни были традиционные нормы присвоения земли на Фута-Джаллоне, подлинным ее хозяином — владельцем стал, как мы это видели, класс феодалов, феодальное государство. Зачем нужно было завоевателям сгонять диалонке с их земель? В условиях, когда земли было сравнительно много (такое положение характерно для многих районов Африки), решающее значение приобретало не владение вообще тем или иным участком земли, а возможность присваивать (в различных формах) чужой труд, труд как можно большего числа людей. А такая возможность существовала в результате сосредоточения всей реальной власти в руках небольшого привилегированного слоя аристократии фульбе, от которой зависела фактически бесправная масса крестьян как фульбе, так и диалонке. В отношениях между фульбе-феодалами и фульбе-рядовыми крестьянами важную роль играла также традиционная зависимость одних родственно-хозяйственных групп от других (отношения типа патроны — клиенты). Эта зависимость складывалась в течение долгого времени, в отдельных случаях — еще до прихода фульбе на Фута-Джаллон, затем в период

¹¹ G. Vieillard, Notes sur les Peuls..., стр. 155, 173; Patenostre, La captivité chez les Peuls du Fouta-Djallon, «Ostre-mer», 1930, No 3, стр. 252.

¹² D. Ousmane Poréko, Evolution sociale chez les Peuls du Fouta-Djallon, «Recherches Africaines», 1961, No 4, стр. 77—79.

¹³ К. Маркс, Письмо И. Б. Швейцеру, К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953, стр. 154.

джихада и дальнейшего освоения страны. На Фута-Джаллоне сложно переплетались отношения личной зависимости крестьян от феодалов и поземельная зависимость крестьян от государства. То обстоятельство, что все рычаги управления были в руках феодалов, усиливало эту личную зависимость, так как она принимала форму отношений между государством и его подданными.

Специфической особенностью земельных отношений у фульбе Фута-Джаллона следует считать характер тех коллективов, которые выступали в качестве основных субъектов присвоения земли. Это были не сельские общины, как у диалонке и других народов Судана, а родственно-хозяйственные группы горол и дембугал¹⁴. Формально дембугалу в лице старейшины или совета старейшин принадлежало право распоряжаться землями данного коллектива. Однако экономическое единство и хозяйственные связи внутри такого объединения, члены которого жили иногда на большом удалении друг от друга на территории нескольких миссиди, были скорее номинальны, чем реальны. Подлинным родственно-хозяйственным объединением, осуществлявшим коллективное владение землей, был горол. Коллективного поля горол не имел, однако коллективный труд применялся при поднятии целины, сборе урожая. Земли внутри горола распределялись и перераспределялись между отдельными семьями по мере необходимости (по другим данным — каждый год). Хозяйственная независимость индивидуальных семей, входивших в горол, была весьма значительной: обычно строго соблюдалось правило: «каждому его поле и его урожай»¹⁵.

Очень интересно свидетельство Т. Винтерботтома, относящееся к последнему десятилетию XVIII в. Он писал, что у фульбе «земля ... начинает рассматриваться не как общественная, а как личная собственность и делится на отдельные плантации, которые иногда так обширны, что заслуживают называться фермами»¹⁶. Последняя часть высказывания касается, без сомнения, хозяйств знати. Винтерботтом отметил здесь важнейшую тенденцию в развитии поземельных отношений у фута-джаллонских фульбе: хотя коллективные начала в землевладении, как правило, оставались еще долго незывлемыми, уже в конце XVIII в. начало складываться новое отношение к земле, как достоянию небольшой группы родственных семей (горола) или даже одной семьи, а не больших родственных коллективов, как дембугал или то объединение, в которое он входил. В частности, тапады — приусадебные участки в поселении индивидуальной семьи — считались частным владением данной семьи, и власть горола на эти земли практически не распространялась. Значение же этих участков в общем хозяйстве семьи было очень велико — они давали большую часть производимых продуктов: кукурузу, таро, батат, маниоку, различные овощи, бананы, апельсины. Земля на тападах использовалась из года в год, не теряя своего плодородия, так как она ежедневно удобрялась всевозможными отбросами растительного и животного происхождения.

¹⁴ На этот важный момент указал В. А. Субботин в своей работе «К вопросу о земельных отношениях в Фута-Джаллоне накануне колонизации», М., 1964, стр. 2—3. См. также С. Я. Козлов, Основные этапы социальной истории гвинейских фульбе, «Сов. этнография», 1965, № 4, стр. 96.

¹⁵ P. Guéhard, Au Fouta-Dialon, Élevage. Agriculture. Commerce. Régime foncier. Religion, Paris, 1910, стр. 105—108; L. Tauxier, Moeurs et histoire des Peuls, Paris, 1937, стр. 374—377; G. Vieillard, Notes sur les coutumes des Peuls au Fouta-Djallon, стр. 86, 88—89.

¹⁶ T. Winterbottom, An account of the native Africans the neighbourhood of Sierra Leone, vol. I, London, 1803, стр. 53.

В XVIII—XIX вв. произошли коренные изменения в структуре хозяйства фута-джаллонских фульбе, перешедших от кочевничества к оседлости. Основную роль стало играть земледелие, значение скотоводства упало. К началу XX в. доля скотоводства в общественном производстве составляла, по подсчетам Л. Токсье, не более 45%¹⁷, а по другим данным¹⁸ — еще меньше.

Эта трансформация не могла не сказаться на развитии отношений собственности на землю¹⁹. У кочевых скотоводческих народов господствующей формой присвоения земли (пастбищ) является пользование. Оседлость, переход к земледелию сопровождается появлением новой формы присвоения земли — наследственного владения. Этот процесс можно весьма отчетливо проследить на фута-джаллонском материале. Если присвоение горных пастбищ еще долго носило характер пользования, то присвоение обрабатываемых земель очень скоро приобрело характер владения. Каждый хозяйственный коллектив (община, горол) точно знал границы своих земель; для разграничения земель соседних коллективов употреблялись специальные, обычно хорошо заметные, межевые знаки. Владельческие права были особенно развиты в районах с высокой плотностью населения, где ощущалась нехватка земли. Например, в районах Тимби, Фугумба, Лабе, по свидетельству А. Арсена, в начале нашего века не было «ни одного неиспользованного участка земли»²⁰. Такое же положение было в тех местах, где плодородная почва и благоприятные климатические условия позволяли выращивать относительно хорошие урожаи риса, одного из самых ценных продуктов у фульбе²¹. А все усиливающийся захват лучших земель феодалами, наряду с изменением структуры общественного производства, способствовал развитию отношений владения и владельческих прав на землю.

Решающее значение для дальнейшего развития отношений земельной собственности на Фута-Джаллоне имело превращение страны в начале XX в. в часть французской колониальной империи. Ликвидация политической независимости Фута-Джаллона автоматически привела к исчезновению важнейшего субъекта поземельных отношений в стране — феодально-теократического государства. Его функции и полномочия, осуществляемые, разумеется, на другой основе, присвоила себе метрополия — Франция. На Фута-Джаллон, как и на всю Гвинею, было распространено действие декрета от 23 октября 1904 г., который объявлял собственностью французского государства все «свободные и бесхозные земли» (раздел II, § 10)²². А. Арсен, сам крупный колониальный деятель, характеризовал этот декрет как проявление административного произвола²³. Декрет должен был дать французским колонизаторам юридическое основание для земельного ограбления африканских народов в пользу метрополии, капиталистических компаний и частных предпринимателей-колонистов. Он резервировал за колониальной администрацией право распоряжаться большей частью земельного фонда колоний.

¹⁷ L. Tauxier, Указ. раб., стр. 374.

¹⁸ P. Guebard, Au Fouta-Djallon..., 1910, стр. 34—35.

¹⁹ Обычное право фульбе проводит довольно четкие различия между такими формами присвоения имущества (движимого и недвижимого), как пользование (хуторгол), владение (диогагол) и собственность (дьежал).

²⁰ A. Arsen, Указ. раб., стр. 71.

²¹ P. Guebard, Au Fouta-Djallon..., 1910, стр. 101; G. Vieillard, Notes sur les coutumes..., стр. 83; J. Richard-Molard, Problèmes humains en Afrique occidentale, Paris, 1958, стр. 310.

²² См. A. Arsen, Указ. раб., стр. 562.

²³ Там же, стр. 359, 563.

Однако в силу исторически сложившихся особенностей империалистической эксплуатации народов Западного Судана земельные экспроприации здесь были невелики. Так, в 1912 г. общая площадь частных концессий во Французской Гвинее составляла около 6 тыс. га, в 1945 г. она была еще меньше²⁴. Не следует, однако, думать, что Франция никак не реализовала в Гвинее узурпированные ею prerogatives высшего субъекта земельной собственности. Думается, что вполне закономерно рассматривать как земельную ренту те тяжелые налоги и повинности (во всяком случае большую долю их), которые легли на крестьянство Фута-Джаллона после французской колонизации. Колониальной администрацией принадлежало последнее слово во всех серьезных вопросах, касавшихся землевладения, землепользования, землеустройства. То обстоятельство, что низовыми представителями этой администрации были африканцы — кантональные и деревенские вожди, присваивавшие часть этой земельной ренты, до некоторой степени маскировало империалистическую эксплуатацию, облекало ее зачастую в полуфеодалные формы.

Феодалный характер эксплуатации крестьянства на Фута-Джаллоне особенно бросается в глаза по той причине, что здесь вождями, как правило, были выходцы из старых феодальных домов фульбе²⁵. Вожди, обладавшие административной властью, имели возможность безнаказанно грабить крестьян, зависимость которых от феодалов вряд ли была меньшей, чем в прошлом веке. Вожди и их приближенные присваивали лучшие земли. Об этом сообщал Вьейяр, очень хорошо знакомый с порядками на Фута-Джаллоне²⁶. На совещании комендантов округов в 1957 г. говорили о вожде кантона Дабола, который захватил большое число крестьянских участков и стал одним из богатейших людей в округе²⁷. Вожди произвольно увеличивали налоги, заставляли крестьян без всякого вознаграждения работать на своих полях, возводить всевозможные постройки, поставлять им продукты, различные изделия домашнего ремесла. Подневольный труд крестьян (последний губернатор Гвинеи Ж. Рамадье лицемерно называл его «более или менее добровольным»²⁸) был главным источником обогащения вождей, их родственников и прихлебателей. Неправ, на наш взгляд, Ж. Сюре-Каналь, видящий в вождях только чиновников, служащих административного аппарата²⁹. Нельзя недооценивать феодальную сущность института вождей. Кантональный вождь был не только и даже, может быть, не столько чиновником, начальником кантона, сколько феодалом, имевшим право и возможность распоряжаться землей и людьми. Следует учитывать также силу обычаев, традиционную зависимость крестьянских семейных групп от феодальных домов — ведь все это очень умело использовалось феодалами-вождями в своих корыстных интересах. Для рядового крестьянина, — пишет Вьейяр, — чиновник-вождь есть всегда феодал (сеньор), который владеет людьми, и сам он тоже, разумеется, убежден в этом³⁰.

В колониальный период особенно тяжелым и непрочным как в экономическом, так и в правовом отношении было положение сервилльного

²⁴ J. Suret-Canale, Afrique Noire occidentale et centrale. L'ère coloniale (1900—1945), Paris, 1964, стр. 344.

²⁵ Например, в Маму — из рода Альфайя и Седиябе, в Даболе — из рода Сорийя, в Лабэ, Мали и Гауал — Калидуябе, в Далабе и Телимеле — Элайябе и Лудабэ (G. Vieillard, Notes sur les Peuls..., стр. 125—126).

²⁶ Там же, стр. 130, 174.

²⁷ «Guinée. Prélude à l'indépendance», 1959, стр. 41.

²⁸ Там же, стр. 41.

²⁹ См. J. Suret-Canale, La Guinée, un an d'indépendance, «La nouvelle critique», 1959, No. 109, стр. 38.

³⁰ G. Vieillard, Notes sur les Peuls..., стр. 127.

населения. Как и сто лет назад, серв по-прежнему не считался равным в правах со «свободнорожденным» фульбе. Даже фактическое длительное (иногда — на протяжении жизни нескольких поколений) владение участком земли не давало ему прав «законного» владельца этой земли, и он мог быть лишен ее³¹. Таким образом, феодальные порядки в землевладении сохранялись на Фута-Джаллоне практически до конца колониального периода. Можно даже сказать, что феодализм оставался господствующим типом поземельных отношений. Но феодализм в этот период принял новые формы, составляя с порядками империалистическими, капиталистическими весьма своеобразный симбиоз.

Капитализм застал на Фута-Джаллоне различные формы коллективного и частного владения землей. Социально-экономическое развитие страны ко времени французской колонизации еще не дошло до превращения земельного владения в частную земельную собственность, земля еще не стала товаром³². Буржуазные отношения в землевладении развивались при активном вмешательстве государственной власти. Тотчас по установлении своего владычества в Гвинее колониальная администрация взяла курс на разрушение коллективного землевладения: были приняты известные декреты об имматрикуляции земельных наделов и о констатации прав на общинные земли³³.

В Гвинее режим имматрикуляции был введен еще в 1901 г. Предоставленной возможностью воспользовались главным образом колонисты-европейцы. Самых же африканцев этот режим почти не коснулся. В этом сказались целый ряд причин: общая неразвитость капиталистических отношений, естественное недоверие населения к мероприятиям колонизаторов, сложность для неграмотного крестьянина самой процедуры имматрикуляции. Накануне второй мировой войны во Французской Западной Африке числилось всего 1742 африканца, имевших матрикулы на земельные участки, общая площадь которых составляла 29 тыс. га³⁴. В Гвинее обладателями матрикулов были несколько десятков человек.

Точно так же не имело серьезного успеха и другое мероприятие властей — попытка заменить систему феодальных латифундий, обрабатываемых сервами, системой аренды. Хотя в годовом отчете генерал-губернатора ФЗА за 1912 г. отмечалось, что на Фута-Джаллоне практика арендных договоров распространяется все больше и больше³⁵, однако на самом деле это было не так. Отношения между хозяином земли и «арендатором» носили прежний феодальный характер, будучи неравноправными даже с чисто юридической точки зрения. Как правило, отсутствовали письменные контракты с точно зафиксированными условиями, что создавало для феодального владельца дополнительные возможности произвола в отношении так называемого «свободного арендатора». По сути произошла лишь замена термина «серв» термином «арендатор».

В гораздо большей мере, чем усилия официальных властей, способствовал возникновению новых форм поземельных отношений сам объек-

³¹ G. Vieillard, Notes sur les Peuls..., стр. 154, 155, 173.

³² Случай продажи или аренды земли в конце XIX в. были очень редкими (см. P. Guehard, Au Fouta-Djallon... 1910, стр. 106; G. Vieillard, Notes sur les coutumes..., стр. 117). Мы имеем в виду именно капиталистическую аренду, но отнюдь не такую форму земельных отношений, как передача горолом или даже приходом части своих земель во временное пользование другому коллективу: такие явления были довольно часты.

³³ Лицо, зарегистрировавшее обрабатываемый им надел в земельном кадастре колонии, получало матрикул, т. е. официальный документ, делавший его полным собственником данного участка.

³⁴ J. Suret-Capale, Afrique Noire..., стр. 329.

³⁵ Там же, стр. 89, прим. 1.

тивный процесс развития капитализма. Распространение товарно-денежных отношений и связанная с ним эволюция традиционной крестьянской экономики неизбежно должны были привести к включению земли в товарный оборот. Еще в самом начале XX в. Гебар отмечал, что крестьяне вынуждены продавать свои участки³⁶. Для 30-х годов соответствующие свидетельства дает Вьейяр³⁷. Однако в этот период, как правило, формально продавался не сам земельный участок, а постройки или деревья, расположенные на нем, которые, в отличие от земли, считались индивидуальной собственностью. Таким образом, сила традиций обычного права была еще слишком велика. Тем не менее лицо, купившее эти деревья или постройки, становилось владельцем и данного земельного участка. Эта аренда и купля-продажа многолетних культурных растений на определенном участке, довольно широко практиковавшаяся уже перед второй мировой войной³⁸, фактически очень часто была арендой или продажей самого участка, что психологически подготовило крестьянские массы к обращению с землей как с товаром с точки зрения буржуазного права. Особенно быстро земля приобретала денежную ценность в городах (окружных центрах) и их окрестностях. Чиновники, торговцы, ремесленники занимали «свободные» участки, огораживали, застраивали, возделывали их, — писал Вьейяр, — а когда их беспокоили формальные владельцы, они обычно откупались деньгами³⁹.

Всевозможные земельные сделки, денежные операции с землей заметно активизировались после второй мировой войны. Д. У. Пореко, проводивший обследование на Фута-Джаллоне в 1957—1958 гг., констатировал, что землю дарят, завещают, арендуют, закладывают, продают и все это — обычные, рядовые явления⁴⁰. Этому способствовало то, что в 50-е годы в отдельных районах Фута-Джаллона стала остро ощущаться нехватка земли. Неконтролируемая эрозия почвы привела к резкому сокращению площади пригодных для обработки земель. Так, Ришар-Молар утверждал, что три четверти территории края практически бесплодны⁴¹. Если учесть сравнительно высокую плотность населения на Фута-Джаллоне (в округах Лабе, Тимби и других она превышала 50 чел. на 1 кв км, а в Пита составляла около 70 чел. на 1 кв км⁴²), то станет вполне понятным появление в послевоенные годы весьма серьезных признаков земельного голода и связанного с ним аграрного перенаселения. Это — важная особенность земельной проблемы на Фута-Джаллоне. С нею непосредственно связана и специфика генезиса денежных операций с землей на Фута-Джаллоне. В большинстве стран Африки такие земельные сделки, как аренда или купля-продажа, имели место преимущественно в районах торгового земледелия, где экономически выгодно было выращивать товарные культуры. Здесь же земля, по причине ее нехватки, приобретала денежную ценность независимо от возможности дальнейшей ее капитализации, просто как условие ведения крестьянского хозяйства. Именно малоземелье было одной из серьезных причин отходничества десятков тысяч фута-джаллонских крестьян. Отсутствие соответствующей статистики не позволяет судить, сколь далеко зашел процесс пролетаризации крестьянства на Фута-Джаллоне. Однако известно,

³⁶ P. Guebard, Au Fouta-Djallon..., 1910, стр. 106.

³⁷ G. Vieillard, Notes sur les coutumes des Peuls..., стр. 84.

³⁸ «Продажа и аренда застроенных участков — явление частое», — писал Вьейяр (там же, стр. 87).

³⁹ Там же. См. также D. Ousmane P o g é k o, Указ. раб., стр. 79.

⁴⁰ D. Ousmane P o g é k o, Указ. раб., стр. 80.

⁴¹ J. Richard-Molard, Problèmes humains en Afrique occidentale, стр. 296.

⁴² Там же, стр. 142. См. также: «La Guinée», Paris, 1950, стр. 6.

что в 1954—1955 гг. около 7% крестьян-фульбе представляли собой наемных сельскохозяйственных рабочих⁴³. Наемный труд применялся главным образом в хозяйствах европейцев-французов и ливано-сирийцев на плантациях ананасов, бананов, цитрусовых в районах Киндии, Маму, Лабе и др. Из африканцев же крупными плантациями владели почти исключительно феодалы-вожди, которые использовали принудительный труд крестьян.

Тем не менее сколько-нибудь массового отделения мелкого производителя от земли на Фута-Джаллоне не произошло. Крестьянская семья, ведущая на своем наделе полунатуральное хозяйство, оставалась ведущей производящей единицей (причем именно малая, индивидуальная семья стала в 40—50-е годы основным субъектом имущественных, в том числе поземельных отношений⁴⁴). Обрабатываемым ею участком, который по традиции считался владением горола и более широких родственных групп, глава малой семьи распоряжался, при необходимости, как своей частной собственностью. Тенденция всего социально-экономического развития заключалась в трансформации коллективного владения в частную земельную собственность. И эта форма присвоения земли, типично буржуазная, возникала и все более распространялась, хотя и медленно, соответственно общему уровню проникновения капитализма в экономическую и социальную жизнь Фута-Джаллона.

Образование в октябре 1958 г. суверенной Гвинейской Республики, вставшей на некапиталистический путь развития, способствовало, с одной стороны, быстрому искоренению феодальных порядков в землевладении, а с другой — значительно затормозило процесс ее капитализации. Еще в 1957 г., т. е. до формального провозглашения независимости, передовым силам страны, объединенным в Демократическую партию Гвинеи, удалось добиться ликвидации института кантональных вождей и перехода власти в руки выборных окружных и деревенских советов. Крестьянство боролось с вождями, видя в них не только агентуру колонизаторов, но и своих эксплуататоров, классовых врагов. Решениями советов у вождей были отобраны все земли, захваченные ими у крестьян. Часть этих земель была роздана нуждавшимся крестьянам, часть — передана кооперативам⁴⁵.

Одним из важнейших актов нового государства была национализация земли. «Земля является собственностью нации,— заявил президент Гвинейской Республики Секу Туре на пресс-конференции в Москве 21 ноября 1959 г.— В каждой коммуне землей распоряжается муниципальный совет. В нашей стране существует право эксплуатации земли, но больше не существует права собственности на землю, которая является национальным достоянием»⁴⁶. Значение и неизбежность этого принципа президент подчеркнул в интервью, данном журналу «Afrique action»: «В Гвинее земля принадлежит нации, что освобождает крестьянина, который в прошлом обязан был платить десятину феодалам»⁴⁷.

20 октября 1959 г. был опубликован декрет, который отменил все прежние законы в области земельных отношений и установил новый порядок землепользования⁴⁸. Любое физическое или юридическое лицо могло теперь пользоваться лишь таким количеством земли, которое оно

⁴³ «Population», 1956, № 3, стр. 556.

⁴⁴ См. D. Ousmane Rogéko, Указ. раб., стр. 84—85.

⁴⁵ J. Suret-Canale, La Guinée... стр. 61—62; Р. Ламбот, Гвинея — первый год республики, М., 1960, стр. 4, 5, 24.

⁴⁶ Секу Туре, Независимая Гвинея, М., 1960, стр. 168.

⁴⁷ «Ногоуа», 2 декабря 1961.

⁴⁸ «Journal officiel de la République de Guinée», 1 декабря.

способно было обработать своими силами, не прибегая к наемному труду. Декрет запрещает продажу, аренду или дарение земли без специального в каждом отдельном случае разрешения министра сельского хозяйства. Эти меры имели целью воспрепятствовать концентрации больших массивов земли в частных руках, развитию сельской буржуазии и пролетаризации крестьянства. Все вопросы, касающиеся землепользования, были отнесены к компетенции деревенских и районных комитетов или — в случае необходимости — вышестоящих государственных органов.

Правительство Гвинеи справедливо считает, что покончить с вековой отсталостью сельского хозяйства страны, беспросветной нищетой трудового крестьянства можно лишь на путях кооперирования крестьянского хозяйства. Политика эта пользуется поддержкой самых широких слоев крестьянства. Традиции коллективного землевладения и трудовой взаимопомощи облегчают крестьянам переход к новым, современным формам ведения коллективного хозяйства. Собственно говоря, движение за кооперацию началось еще до завоевания независимости: уже тогда организовывались потребительско-сбытовые кооперативы, а многие деревни в 1957—1958 гг. начали создавать коллективные поля за счет залежи или целины, за счет земель, конфискованных у вождей. Эти поля обрабатываются сообща, обычно — бригадами молодежи, а доходы от них используются для различных общественных нужд (уплата налогов, строительство больниц, школ, создание резервных запасов семян, продовольствия, проведение деревенских праздников и т. д.).

В августе 1960 г. правительством республики был принят закон о создании сельскохозяйственных производственных кооперативов и обнародован примерный устав кооперативов⁴⁹. В конце 1962 г. в стране насчитывалось 424 кооператива⁵⁰. В кооператив объединяются обычно жители одной деревни. Их индивидуальные поля и сельскохозяйственный инвентарь не обобществляются. Основные нужды крестьянской семьи по-прежнему удовлетворяются за счет личного хозяйства. В то же время каждый кооператив имеет коллективное поле, обрабатываемое трудом всех его членов. На первых порах доходы с него, а также другие средства коллектива идут на аренду машин и инвентаря, покупку семян и удобрений, строительство общественных помещений, дорог, мостов и т. д. С каждым годом размеры коллективного поля увеличиваются, возрастает его роль и место в производстве. Соответственно будет уменьшаться значение единоличного хозяйства. Государство активно помогает кооперативам через центры модернизации сельского хозяйства, созданные во всех районах страны. В этих центрах имеются сельскохозяйственные машины, помогающие кооперативам в обработке земли, здесь кооперативы могут купить минеральные удобрения, сортовые семена, получить денежную ссуду, агротехнические рекомендации и т. д. Однако ресурсы молодой республики пока еще невелики: не хватает техники, специалистов. Очень низок как материальный, так и культурный уровень гвинейской деревни, разоренной за 60 лет французского господства. Все это определяет медленные темпы развития производственной кооперации в сельском хозяйстве. На Фута-Джаллоне к трудностям общего порядка прибавляются и специфические. Фульбе, как известно, сочетали земледелие со скотоводством и селились не крупными деревнями, а мелкими поселками типа хуторов, где проживает несколько родственных семей. Такой характер расселения и самый тип хозяйства усложняют кооперирование

⁴⁹ «Journal officiel de la République de Guinée», 1960, No 18, стр. 287—289; No. 20, стр. 319.

⁵⁰ «Ногоуа», 13 ноября 1962.

крестьянства фульбе. Производственная кооперация делает здесь свои первые шаги. В последние годы на Фута-Джаллоне создано несколько государственных хозяйств по производству риса, бананов, ананасов, организуются образцовые плантации, государственные скотоводческие фермы. Эти хозяйства, наряду с вышеупомянутыми центрами модернизации, призваны оказывать крестьянам всемерную помощь, пропагандировать современную культуру ведения сельского хозяйства.

Таким образом, в настоящее время на Фута-Джаллоне, равно как и в других областях Гвинеи, существуют различные формы владения землей (которая вся в целом является достоянием нации, т. е. государство выступает как высший субъект присвоения земли). Преобладающей формой остается владение небольшой родственной группы — горола, а также владение интенсивно выделяющейся из горола в качестве самостоятельной хозяйственной ячейки индивидуальной семьи. Наряду с этими формами все шире распространяется землевладение и хозяйствование на земле коллектива, основанного не на родственных связях, а вызванного к жизни современным социально-экономическим развитием страны, — сельскохозяйственного кооператива. Опыт других стран, в разное время избравших путь некапиталистического — и более определенно — социалистического развития, позволяет утверждать, что будущее — именно за этой формой, будущее — за производственной кооперацией крестьянства.

SUMMARY

The article retraces the development of land relations in Futa Jallon in the 18th—20th centuries.

During the period of existence of the Fulbe state (mid 18th—end of the 19th centuries) it was the supreme owner of land in the country. State ownership of land served as the basis for different forms of feudal and peasant landownership. Feudalism was the dominating type of land relations. The feudal system in the country—side remained to a large extent also in the period of the French domination (1897—1958). During that period land tenure and land ownership relations (with land being gradually involved in the commodity circulation) continued to develop and there was a process of desintegration of the old collective forms of ownership and the appearance of individual land property. This process was to a certain extent terminated by the nationalization of land carried out in Guinea after its gaining independence. At the end of the 1950's, a new form of farming—producers' cooperatives actively supported by the State—began to appear.